

УДК 1 (091)

ПРОБЛЕМА APRIORI И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМ ПСИХОАНАЛИЗЕ Л. БИНСВАНГЕРА

С. А. Горчакова

Горчакова Светлана Александровна – аспирант кафедры философии,
Курский государственный университет
E-mail: gorchackova.svet@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению антропологического проекта Л. Бинсвангера. Согласно его концепции, прежде чем обратиться к исследованию патологии того или иного индивида, необходимо понять, что значит быть человеком, а стало быть, психиатрия попадает в поле гуманитарных наук. Бинсвангер предпринимает попытку перенесения фундаментальной онтологии Хайдеггера на почву психоаналитической практики, стремясь преодолеть субъект-объектную оппозицию и исследовать целостное существование человека в мире, и вводит новое по значению понятие экзистенциально-априорных структур человеческого существования, применив тем самым онтологию Хайдеггера к конкретному человеку.

Ключевые слова: экзистенциальные априори, миропроект, экзистенция, Dasein, смысловая матрица.

Знаменитый швейцарский психиатр Людвиг Бинсвангер в своем экзистенциальном анализе стремился объединить психиатрию и антропологию, что, по его мнению, способствовало бы исследованию больного человека не только в его патологии, но, прежде всего, в аспекте его существования и переживания. Он, хотя и касается проблемы отношения антропологии и онтологии вскользь, приближается непосредственно к «конкретному существованию и его историческому содержанию». Отсюда посредством анализа структур существования Бинсвангер постоянно перемещается от антропологических форм к онтологическим условиям, считая исходным принципом конкретную экзистенцию, в которой возможно проявление действительного предела человеческого бытия и Dasein. При этом швейцарский психиатр избегает априорного различения антропологии и онтологии точно так же, как сама антропология отвергает всякую попытку разграничения психологии и философии. М. Фуко в связи с этим отмечал, что экзистенциальный анализ Бинсвангера бросает вызов традиционным дисциплинарным линиям. Действительно, основной смысл антропологического проекта Бинсвангера заключается в намерении представить такую форму анализа, которая не обязывала бы его быть ни философией, ни психологией в их чистом виде: «форму анализа, который фундаментален по отношению к конкретному, объективному и эмпирическому знанию, форму анализа, наконец, принцип и метод которого определены с самого

начала исключительной и абсолютной привилегией их объекта – человека или, скорее, бытия человека, Menschsein» [1, с. 108]. Последнее является ключевым в мысли Бинсвангера.

Клиническая психиатрия, полагает Бинсвангер, в своем замысле пересекается с замыслом Фрейда в попытке объяснить и понять самого человека с позиций жизни. Тем не менее оба направления основным исходным принципом имеют биологизм, т.е. мыслятся именно как принадлежащие к естественным наукам. Познание у Фрейда есть, прежде всего, естественно-научное познание. В таком случае фрейдовская концепция homo natura являет собой не более чем научный конструкт, возможность построения которого основана на разрушении антропологического опыта – опытного знания человека о самом себе. Данное утверждение, считает Бинсвангер, верно также и в отношении положения дел в клинической психиатрии и психопатологии. Антропология призвана разрушить представления подобного рода, возвратив их в «тотальность человеческого существования», но в то же время полностью антропологический проект является другой крайностью, которая способствовала бы исключению «специализированных концепций о человеке» вообще, что, несомненно, стало бы опасностью как для «специализированных гуманитарных наук, так и для самой антропологии» [2, с. 150]. В этом смысле роль и значение экзистенциального психоанализа очевидна.

Психоаналитические исследования показывают, что сущность человека определяется инстинктивным импульсом, основные свойства которого одинаковы для всех людей и который побуждает человека к удовлетворению определенных примитивных потребностей. В рамках фрейдовской теории прослеживается тенденция к нивелированию и уравниванию отдельных аспектов «необходимого человеческого бытия путем сведения их к уровню всеобщих потребностей или потребностей и психической значимости этих потребностей» [2, с. 143]. И все же, полагает Бинсвангер, нельзя не оценить значимость учения Фрейда, ведь именно классический психоанализ показывает, что человек ограничен, с одной стороны, инстинктом, а с другой – иллюзией.

В результате из напряжения между этими двумя силами возникают миф, религия, искусство. Тем самым Фрейд посредством научного подхода проникает вглубь человека, который есть существо страдающее и разделенное в самом себе. Но вряд ли можно говорить о схватывании человека в его существовании. В этом плане Dasein-анализ в корне отличается от классического психоанализа. Если экзистенциальный анализ занят проблемой изменения в существовании, то Фрейд на первый план выводит зафиксированное в изменении инстинктивное влечение. С точки зрения Бинсвангера, важно сместить исследование как на раскрытие основания в изменении, так и на понимание всей его сложности, что предполагает рассмотрение человека с позиций антропологии, т.е. под углом зрения того, что означает быть человеком. Речь шла, по сути дела, о замещении естествознания антропологией, представления о *homo natura* – идеей существования, поскольку человек – не только механистическая необходимость или организация, но свободное и открытое миру существо. Кроме того, классический психоанализ и «естественно-научная психология», как называет ее Бинсвангер, никак не учитывают «основной антропологический факт», что Dasein как «здесь-бытие» всегда уже отсылает к понятиям «моего», «твоего» или «нашего», а мы сами постоянно соотносимся как с «абстракцией тела», так и с «абстракцией души». В связи с этим антропология не слепо следует за наукой, а рассматривает любую научную деятельность, а также искусство, религию, мораль как различные модусы Dasein, не сводимые друг к другу и невыразимые при помощи понятий, принадлежащих иным сферам существования.

В своем творчестве Бинсвангер осуществляет синтез идей Канта и Хайдеггера, поскольку считает, что тезис последнего о существовании как бытия-в-мире последовательно развивает и расширяет, с одной стороны, теорию Канта об условиях возможности опыта, а с другой – учение Гуссерля о трансцендентальной феноменологии. Именно через обращение к этим вопросам складывается общий контекст экзистенциального психоанализа, который, по мысли Бинсвангера, должен служить основанием для всех наук о человеке.

Если кантовская трансцендентальная философия через эмпирическое приложение априорных способностей в лице антропологии задает саму возможность наук о человеке, то феноменология Гуссерля является логическим введением в гуманитарные науки. Поскольку в каждой эмпирической науке о человеке, а феноменология должна стать подлинным основанием таковых, с необходимостью обнаруживается сущность сознания, Гуссерль путем эйдетики пытается выявить область чистого сознания, в которой содержался бы принцип конституирования дей-

ствительности и которая предшествовала бы всякому познанию об этой действительности. Относительно этого феноменология, с одной стороны, получает значение эйдетической науки, согласующейся с гуманитарными науками, а с другой – она, будучи «первооткрывательницей» гуманитарных наук, располагается в «сердцевине этих наук, в сердцевине фактов, реализуя таким образом истину философии, которая есть высвобождение сущности в само конкретное» [3, с. 59]. Бинсвангер акцентирует внимание на том, что дизайн-аналитический порядок обладает феноменологической природой, в которой выявляется его онтологическая структура, что делает возможным обнаружение конституирующего элемента. В связи с этим он отмечает важное значение аналитики существования Хайдеггера для психиатрии, который в поисках онтологических предпосылок человеческой деятельности делает вывод, что не рассудок, а Dasein конституирует бытие мира при помощи смысловой сетки, раскрывающей мир. Так он приходит к представлению об онтологической априорной структуре человека, названной им «заботой», и подводит под сферу бытия то, что у Канта относилось к сфере объективного знания. Хайдеггер, раскрывая онтологическую структуру Dasein как бытия-в-мире, или трансценденции, «вкладывает в руки психиатра ключ» к пониманию и описанию феноменов исследования в их полном внутреннем контексте и феноменологическом содержании. Согласно Бинсвангеру, это было и важным достижением Гуссерля.

Именно переход от фиксирования и описания психических процессов внутри «субъекта» к выяснению форменных и структурных характеристик «интенционального сознания», считает Бинсвангер, сыграл решающую роль для психопатологического исследования в целом. Гуссерль рассматривает все объекты психических актов, а также все объекты познания как вещи, бытие которых предстает предметом как актуальных, так и потенциальных интенциональных переживаний. Так, согласно Бинсвангеру, опыт видения Девы Марии у душевнобольного, как, впрочем, и другие галлюцинаторные проявления, обладает статусом подлинного опыта (а опыт сам по себе наряду с познанием в экзистенциальном анализе трактуется как один из модусов бытия), но при условии, что мы в самом деле понимаем значение данного опыта для больного.

Описывая историю болезни Лолы Фосс, Бинсвангер пишет: «Иллюзорные восприятия (восприятия враждебных знаков, враждебных намерений, враждебных голосов) тоже ни в коем случае не представляют собой изолированные феномены, и было бы бесполезно понимать их только на сенсорной основе. Их необходимо понимать как частичные феномены особого миропроекта – проекта мира <...> с точки зрения

Угрожающего и враждебного» [4, с. 291]. Поэтому понять мир душевнобольного – означает показать априорно-экзистенциальную структуру феноменов, которые в диагнозе представлены как симптомы психоза. Категория, открывающая путь к пониманию душевнобольного и являющаяся смысловой матрицей, в которой феномены предстают как феномены для пациента, выступает в то же время и в роли способа обнаружения всеобщей онтологической структуры заботы в отдельно взятом человеке по отношению к аспектам его повседневной жизни. По сути экзистенциальные априори Бинсвангера есть перенесенные в конкретное человеческое существование экзистенциалы, определяемые Хайдеггером онтологически. Дж. Нидлман называет эту трансцендентальную категорию экзистенциальным априори, миром пациента, «постольку поскольку экзистенциальное априори конституирует его, есть его проект мира» [5, с. 36].

Таким образом, в экзистенциальном анализе первостепенное значение приобретает вопрос не только «что я познаю?», но также «что я чувствую и желаю?», т.е. «как я существую?» Если кантовские категории представляют собой условия только одного модуса бытия-в-мире среди других – модуса объективного познания, для Бинсвангера важно, какую позицию занимает человек как целое по отношению к конституируемому его же собственным рассудком содержанию. Ошибка психиатров, на взгляд Бинсвангера, как раз и заключается в том, что они слишком большое значение приписывают отклонениям человека от общепринятых норм поведения, вместо того чтобы сфокусировать все внимание на особенности и уникальности своих пациентов. Мир пациента, как, впрочем, и мир любого человека, наследует временные характеристики Dasein. Это одновременно и мир как он есть сейчас, и мир, устремленный в будущее, что делает возможным миропроjekt человека. Проект мира определяет и тот способ, каким сущее доступно Dasein. В миропроекте раскрывается трансценденция не только как собственно проект мира, но и проект себя самого. Все чувства, мимика, жесты имеют свой смысл в рамках миропроекта. При этом большое значение для психопатологии имеет тот факт, что в свете миропроекта все становится понятным, даже феномены, которые, на первый взгляд, проявляются как неадекватные, а потому безумные, в своей неразумности сохраняют ярлык нормальности. Это справедливо в том плане, что любое обращение к миропроекту, прежде всего, должно определить поле его смыслов и значений, т.е. выявить, на основе каких смысловых матриц – экзистенциального априори – базируется данный миропроjekt. Тем самым, говорит Бинсвангер, экзистенциальный психоанализ открывает себе герменевтический доступ к психопатологиче-

ским феноменам. Вместо того чтобы измерять и кодифицировать невротические и психотические симптомы как дефицитные манифестации, их следует наделить положительным смыслом, однако не согласно здравому рассудку, но согласно индивидуальному миропроекту.

То, чем является опыт как таковой, также всецело зависит от экзистенциально-априорных структур, определяющих матрицу возможного опыта; последняя, в свою очередь, задает объекты мира, ибо придает им смысл, тем самым обеспечивая рамки индивидуального значения. Контекст опыта всегда опирается на некий горизонт сознания, составляющий предел всякого возможного опыта. В этом плане конечный предел опыта будет образовывать главный смысловой контекст суть экзистенциальные априори. Предельная смысловая матрица есть универсалия, от которой зависит переживание последовательности. Коль скоро основание интенциональности заключено во временности существования, или в Dasein, то имеет место влияние прошлого на настоящее. Однако связь настоящей жизни индивидуума с его прошлым детерминирована не самим этим прошлым, но горизонтом переживания и прошедшего, и нынешнего, что и представляют собой экзистенциальные априори. При этом априорные структуры не существуют сами по себе, но только в соприкосновении с человеческим опытом. Обладающие допытной природой, они все же неотделимы от мира и немислимы вне существования, но возможны лишь в связи с тем, что ими обусловлено. Эти структуры есть определенные способы бытия-в-мире и производные Dasein, они не выводятся из «Я» или из личности. Скорее, экзистенциальные априори как фундаментальная смысловая структура – это «трансцендентальное условие» для возникновения «Я» и окружающей его действительности вместе с ее значениями. Следовательно, «власть» экзистенциальных априори заключена в самом Dasein, в фактически существующем бытии. Dasein есть экзистенциальные априори конкретного индивидуума, это фон появления индивидуума. Как возможные модусы бытия Dasein экзистенциальные априори указывают на существование, являющееся трансцендентально априорным относительно разделения на «Я» и «не-Я» в опыте. Поэтому основание определения «Я» индивидуума лежит в способе, благодаря которому «Dasein проявляет фундаментальное онтологическое априори заботы» [5, с. 90–91].

Тем самым Бинсвангер адаптирует онтологические структуры Хайдеггера к экзистенциальному анализу и превращает их в экзистенциальные априори, что играет важную роль не только в теоретическом, но и в практическом плане. При этом меняется статус больного – отклонения нельзя оценивать с негативной точки зрения как

ненормальность, ведь они являются новой нормой и новой формой бытия-в-мире. Поскольку экзистенциально-априорная структура определяется Бинсвангером в качестве некоего смыслового контекста, определяющего возможный опыт, постольку то, что в психиатрии необратимо разделено на дискретные реальности областей исследования, т.е. конечное человеческое Dasein, в экзистенциальном анализе представлено в его основном структурном единстве.

Список литературы

1. Foucault M. Einführung zu «Traum und Existenz» von L. Binswanger // Foucault M. Schriften Zur Literatur /

Hg. von Daniel Defert und François Ewald. Frankfurt ; M., 2001. S. 107–174.

2. Бинсвангер Л. Фрейдовская концепция человека в свете антропологии // Бытие-в-мире. Введение в экзистенциальную психиатрию. М. ; СПб., 1999. С. 135–161.
3. Лиотар Ж.-Ф. Феноменология. СПб., 2001. 160 с.
4. Бинсвангер Л. История болезни Лолы Фосс // Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. Введение в экзистенциальную психиатрию. М. ; СПб., 1999. С. 230–292.
5. Нидлман Дж. Критическое введение в экзистенциальный психоанализ Л. Бинсвангера // Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. Введение в экзистенциальную психиатрию. М. ; СПб., 1999. С. 10–132.

Problem of a Priori and the Humanities in L. Binswanger's Existential Psychoanalysis

S. A. Gorchakova

Kursk State University
Ulitsa Radischeva, 33, 305000 Kursk, Russia
E-mail: gorchakova.svet@yandex.ru

The article is devoted to consideration of the anthropological project of L. Binswanger. According to his conception before addressing to the research of pathology of any given individual, it is necessary to understand what it means to be the person. And, it follows that the psychiatry gets into a field of the human sciences. Binswanger makes an attempt to transfer the fundamental ontology of Heidegger on the field of psychoanalytic practice, aspiring to overcome the subject – objective opposition and to investigate perceptual existence of the person in the world. He introduces new concept of existential and aprioristic structures of human existence, thereby having applied Heidegger's ontology to the concrete person.

Key words: existential a priori, world project, existence, Dasein, semantic matrix.

References

1. Foucault M. Einführung zu «Traum und Existenz» von L. Binswanger (Introduction to Binswanger's «Dream and Existence»). Foucault M. *Schriften Zur Literatur* / Hg. von Daniel Defert und François Ewald (Writing on literature / Correspondence from Daniel Defert and François Ewald). Frankfurt; M., 2001. P. 107–174.
2. Binswanger L. Freud's Conception of Man in the Light of Anthropology. Binswanger L. *Being-in-the-world*. N.Y., 1963, P. 149–181. (Russ. ed.: Binswanger L. Фрейдовская концепция человека в свете антропологии Бинсвангера Л. *Бытие-в-мире. Введение в экзистенциальную психиатрию*. Moscow; St. Petersburg, 1999. P. 135–161).
3. Lyotard J.-F. *Phenomenology*. Albany, N.Y., 1991, vi+147 p. (Russ. ed.: Лиотар Ж.-Ф. *Феноменология*. St. Petersburg, 2001. 160 p.)
4. Binswanger L. The Case of Lola Voss. Binswanger L. *Being-in-the-world*. N.Y., 1963, pp. 266–341. (Russ. ed.: Бинсвангер Л. История болезни Лолы Фосс. Бинсвангер Л. *Бытие-в-мире. Введение в экзистенциальную психиатрию*. Moscow; St. Petersburg, 1999. P. 230–292.)
5. Needleman J. A Critical Introduction to Ludwig Binswanger's Existential Psychoanalysis. Binswanger L. *Being-in-the-world*. N.Y., 1963, pp. 1–148. (Russ. ed.: Нидлман Дж. Критическое введение в экзистенциальный психоанализ Л. Бинсвангера. Бинсвангер Л. *Бытие-в-мире. Введение в экзистенциальную психиатрию*. Moscow; St. Petersburg, 1999. P. 10–132).